

что в отличие от многих она смогла перейти реку не замочив ног: "... *I did not wet my foot ... which cannot but be acknowledged as a favour of God to my weakened body*" [7: 10]. Все это, с точки зрения Мэри, многочисленные акты Божественного провидения и Божьей благодати.

В процессе освоения нового континента колонисты создавали свой особый мир, не только осваивая реальный ареал, но духовно преобразуя свое окружение, символически истолковывая его. Как справедливо указывает М. М. Коренева «в осуществляющейся пуританами безграничной символизации реального мира и заключались, прежде всего, предпосылки для активного литературного творчества, для становления литературы как таковой, несмотря на то, что сами они были ярыми противниками искусства» [1: 105].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что вера в Бога и Божественное провидение являются наиболее значимыми составляющими, которые легли в основу формирования американского характера и развития общества в целом, а лейтмотив предопределения, появившись впервые в американской словесности XVII века, продолжает оставаться одним из определяющих и для творчества писателей США XVIII-XX веков (Джонатан Эдвардс, а также его последователи – Натаниэль Готорн, Герман Мелвилл, Уильям Фолкнер и другие).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История литературы США. – Т. 1. – М., 1997. – 829 с.

2. Литературная история Соединенных Штатов Америки под редакцией Р. Спиллера, У. Торпа, Т.Н. Джонсона, Г.С. Кэнби. – Т. 1. – М., 1977. – 604 с.
3. Мишина Л.А. Американская словесность XVII века и последующая литературная традиция в XVII веке // Диалог эпох и культур. Материалы научной конференции. Серия «Symposium». Выпуск 8. – СПб., 2000. – С. 27.
4. American Literature Survey. Vol.1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N.Y. 1962. – 614 p.
5. Bradford W. History of Plymouth Plantation: 1606-1646. s.l., 2001. – 470 p.
6. Literary History of the United States ed. by R.E. Spiller, W. Thorp, T.H. Johnson, H.S. Canby. N.Y., 1963. – 1511 p.
7. Rowlandson M. Narrative of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson. N.Y. s/a. – 39 p.
8. Wintrop J. A Model of Christian Charity// The Wintrop Papers ed. by Stewart Mitchell, Vol. 2, Boston, 1931. – P. 283-295.

K. Baranova

THE IDEA OF PROVIDENCE AND AMERICAN LITERATURE OF THE 17TH CENTURY

Abstract: The article deals with the idea of providence as one of the leading motifs in American literature of the XVII century. It stresses originality of the pre-national literature predominantly in New England, its theological character based on the philosophy of Puritanism. It shows the colonial authors' belief that everything in real life is prearranged by God Almighty and could be interpreted from this point of view.

Key words: providence, colonist, Puritanism, leitmotif, chance.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

КОНЦЕПЦИЯ МЫСЛИ НАРОДНОЙ В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «БОРОДИНО»*

Аннотация: В статье рассматривается проблема героизма как составляющая характера русского национального архетипа. Мысль о героизме в «Бородино» выступает

в единоборстве с соборностью и с русской идеей. Автор отмечает типологические связи между героями Лермонтова в «Бородино» и в «Войне и мире» Л. Толстого.

Ключевые слова: героизм, русский характер, соборность, русская идея.

* © Горланов Г.Е.

Преодоление романтического индивидуализма раннего поэтического творчества, мысль о бесплодности одного отрицания без предложения читателю положительных идеалов, поиски героя, воплощающего в себе русское национальное самосознание нашло своё воплощение в героико-патриотической поэзии. Вполне осознано Лев Толстой признался, что центральная идея «Войны и мира» – «мысль народная» – как из «зерна» выросла из стихотворения Лермонтова «Бородино» [1].

«Мысль народная» выступает в единстве с соборностью и с русской идеей. Народ, являющийся главным героем «Бородино», – великая сила. От его мнения очень многое зависит. Об этом А.С. Пушкин говорил в трагедии «Борис Годунов». У него – народ безмолвствованием выражает отношение к власти, а у Лермонтова – в активном противоборстве с врагом решает участь государства и собственную судьбу; здесь героизм солдат объединяет порыв нации – дать отпор чужеземцам, вторгшимся на территорию Отчизны.

Героико-патриотические произведения возникли не на пустом месте. Вполне уместно назвать здесь стихи русских патриотически настроенных поэтов М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, поэтическое творчество которых высоко ценил поэт. Сближает поэтов сама оценка героических поступков русских воинов, хотя события описывались разные. Мы имеем в виду, в первую очередь, стихотворения М. Ломоносова «На взятие Хотина», 1739, «Темира и Селим», 1750 (о последствиях гибели царя татарского Мамай, после поражения от Дмитрия Донского), Г. Державина «На взятие Измаила», 1790, и «На переход Альпийских гор», 1799, В. Жуковского «Певец во стане русских воинов», 1812, трагедию В. Озерова «Дмитрий Донской», 1807.

А называть развитие темы правильнее со «Слова о полку Игореве», с «Задонщины...»... произведения В.К. Тредиаковского «Стихи похвальные России» и с оды «Российскому воинству», «В феврале 1769-го» М.М. Хераскова, а там уже со своими гражданскими порывами И.И. Дмитриев («Освобождение Москвы», В.В. Капнист («Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года, 28 дня»), Н.М. Карамзина с воззванием «К отечеству», Ф.Н. Глинка

(«Военная песнь, написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии»), Д.В. Давыдов («Бородинское поле», «Переход через Рейн», 1814), К.Ф. Рылеев («Иван Сусанин», «Гражданин»). Соединяющим звеном в этой цепи – с Н.В. Гоголем, К.Н. Толстым, Л.Н. Толстым, А.М. Горьким, с советской поэзией, – является М.Ю. Лермонтов.

Мы гордимся нашими великими русскими учёными-историками прошлого – Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьёвым, В.О. Ключевским – музыкантами, художниками, архитекторами, актёрами... И всё-таки полная, подлинно научная концепция истории России будет неполной без художественных откровений перечисленных писателей и М.Ю. Лермонтова.

Типологическая общность русских поэтов Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова заключалась в убеждении правоты воинской силы России, отстаивающей свои права на свои исконно исторические земли, на которых работали и рожали далёкие предки. На примерах книг своих старших коллег по литературному цеху Лермонтов учился быть гордым за подвиги своих соотечественников. Мировоззренческая связь названных писателей, на наш взгляд, убедительно доказывает профессор И.П. Щерблыкин, используя свободную контаминацию стихотворных отрывков четырёх авторов Ломоносова – Лермонтова – Державина, а потом Пушкина – Лермонтова, в статье «О героико-патриотических мотивах в лирике М.Ю. Лермонтова»: «Что касается идейного сродства, – отмечает он, – то и оно очевидно. Лермонтова восхищает ратный дух русских солдат, их смелость, смекалка, сознание своего долга, готовность умереть, но отстоять независимость Отчизны. Все эти ведущие темы русского классицизма нашли блистательное развитие в творчестве Пушкина и Лермонтова» [2].

Как известно, М.Ю. Лермонтов нередко обращался к самоповторениям. Их причина в дореволюционном литературоведении объяснялась чаще всего упрощённо: как стремление поэта улучшить свои незрелые в техническом отношении ранние стихи. Отчасти с таким суждением можно согласиться. Последующие варианты с художественной точки зрения и в самом деле становились лучше, но сводить толь-

ко к этому всю творческую работу писателя было бы неправильно, так как в этом случае можно не заметить главного, ради которого, собственно, и работают художники слова. Определяющим для Лермонтова оставалась идейная сторона. Поэт-мыслитель, он всегда находился в поисках таких стихотворных форм, которые наилучшим образом выражали его положительные идеалы в последекабристское десятилетие. Идейно-художественное своеобразие стихотворения «Бородино» подтверждает сказанное.

К теме Отечественной войны 1812 года Лермонтов обращался неоднократно, так как она навсегда осталась в памяти русского народа как один из великих национальных подвигов. Победа под Бородино над самой лучшей армией Европы наглядно выявила гигантские нравственные и умственные силы, генетически заложенные в русском человеке. Обращение к тем славным страницам истории Отечества давало возможность глубже осмыслить современное ему общество.

Первая попытка описать Бородинское сражение относится к 1830 году, когда из-под пера шестнадцатилетнего юноши появилось «Поле Бородина». Уже тогда он стремился детально изучить расположение противоборствующих сил при Бородине. На это указывают материалы биографа Лермонтова В.Х. Хохрякова, находящиеся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, где вслед за копией текста прилагалась записка на французском языке, содержащая рассказ о тех баталиях, за подписью «М. Лермонтов». Главную задачу автор «Поля Бородина» видел в прославлении подвига русских солдат, значение которого «в преданиях славы»

*Всё громче Рымника, Полтавы:
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно (2).*

Написанное в условно-романтической манере стихотворение не удовлетворяло поэта и, вероятно, в 1836 году он вновь возвратился к теме Бородинской славы (в печати оно появилось в 1837 году, в шестой книжке журнала «Современник»). «Поле

Бородина», в свою очередь, имеет свою предысторию, обозначенную в юношеской «Балладе» («В избушке поздною порою...» (1831). В ней также рассказывается о нашествии врагов на родную землю. Тогда врагами-насилъниками были «злы татаровья». Как и в «Поле Бородина», основной пафос мужественно-патриотический. Разница состояла только в трагедийном оттенке этого пафоса. По-другому не могло быть, поскольку русские в те годы из-за своей разобщенности потерпели поражение. Лермонтов устами храброго русского воина называет Русь милым краем:

*Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали
Орда взяла, и наши пали (1, 427)*

Хронологически и сюжетно «Поле Бородина» как бы продолжает сюжетную героическую линию «Баллады», заканчивающуюся обращением к дитяти – будущему защитнику Отечества «Над бледной головой отца:

*«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись...» (1, 427).*

Что же послужило толчком к самоповторению? Автор заметки в «Комсомольской правде» от 29 января 1986 года А. Самохин задаётся вопросом о социальной принадлежности рассказчика. «Скажи-ка, дядя...». Да, этими словами начинается «Бородино» М.Ю. Лермонтова. Не задумывались ли вы, почему дядя?» – вопрошает он. Речь в заметке идёт о том, что московский художник-график Л. Шаталова, сравнивая лермонтовский рисунок «Портрет офицера с трубкой» (1832-1834) с сохранившимся портретом А.А. Столыпина, обнаружила их сходство. Больше того, в дыме офицерской трубки она разобрала фамильный вензель «С.А.». Лермонтов, в самом деле, его особенно любил и называл «дядюшкой». Афанасий Алексеевич, младший брат Е.А. Арсеневой, рано был зачислен в полк и в 19 лет отличился в сражении под Фридрихландом, а за участие в Бородинском сражении награждён шпагой «За храбрость». Исходя из этого, делается вывод, что обращение «Скажи-ка, дядя...» адресовано родному дядюшке.

Влияние А.А. Столыпина на племян-

ника, конечно же, нельзя не учитывать, впрочем, так же, как и других очевидцев: гувернёра Капэ, служившего сержантом в наполеоновской армии, солдат-ополченцев из Тархан (из Чембарского уезда их было более 300 человек), участвовавших в войне с захватчиками, которых маленький Миша тоже мог слышать.

И всё-таки обращение: «скажи-ка, дядя...» нельзя отнести только к родственнику поэта. Скорее всего, его рассказы повлияли на первый вариант. Ведь он был офицер-артиллерист, а в стихотворении «Поле Бородина» есть немало таких выражений, как «Всю ночь у пушек пролежали»; «Я, голову подняв с лафета...»; «И от врагов удар неожиданный На батарею прилетел...»; «И батареи замолчали...». Хотя образ рассказчика здесь во многом и условен, но в нём всё-таки отчётливо проступают черты военного человека, принадлежащего к командному составу. Простому солдату, а они были в основном из крестьян, не свойственно обращение к товарищу с такими словами: «Брат, слушай песню непогоды: она дика, как песнь свободы», – или так хорошо знать историю России:

*«Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденю весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь» (1, 316).*

В ином ключе написано «Бородино». В полных гражданственности картинах Бородинского сражения увлекательно и ярко рассказывается о великом подвиге всего народа. Наличие литературоведческих работ, посвящённых рассмотрению художественного своеобразия произведения (Бродский Н.Л.; Максимов Д.Е. Пятницкая П.Б.; Турбин В.Н; Коровин В.И.; Щерблыкин И.П.) [4], освобождает меня от анализа его чисто поэтических достоинств.

Второй вариант писался человеком, уже имеющим некоторый жизненный опыт, прошедший азы военной науки, произведённый в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Кстати, это обстоятельство не всегда учитывают исследователи, пишущие о стихотворении «Бородино». Не будь автор военным человеком, вряд ли появились бы у него такие точные детали, как «Уланы с пёстрыми значками», «Звучал булат, картечь визжала», образное сравнение залпов

тысячи орудий с протяжным воем; профессиональные термины («бивак открытый», «кивер», «штык», «редут», «картечь», «барaban», «драгуны с конскими хвостами»). Впечатляющи картины отдыха, данные в контрасте: если французы ликовали до рассвета, то русские ратники спокойно готовились к следующему дневному сражению:

*«Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус... (1, 25).*

Содержание стихотворения полностью согласуется с удачно найденным ритмом. Анализируя строфическую конструкцию «Бородина», можно согласиться с исследователем «Строфики М.Ю. Лермонтова» Вишневским К.Д.: «И ритм великолепен. Это действительно строевой шаг под барабан, но имитация сделана тонко, с большим вкусом и чувством меры... Всё стихотворение становится, таким образом, как бы мелодией боевого военного марша» [5]. Не случайно, что именно это стихотворение стало любимой походной песней русских солдат.

Стремление к правдивому показу патриотического духа защитников Родины способствовало изменению идейного смысла перерабатываемого стихотворения. Этого требовала не только юбилейная дата – 25-летие со дня победы над наполеоновскими захватчиками, но и возросшая ответственность поэта за судьбы Родины. Романтически условное видение мира, свойственное рассказчику в «Поле Бородина», уступило реалистическим. К 1837 году у поэта сложились собственные идеалы. Своя идейная концепция, свойственная лучшим людям эпохи, сводящаяся, в конечном счёте, к отрицанию несправедливых порядков в родимой его отчизне. Но кто должен выступить в качестве борца? Ведь лучшие патриотические силы, те немногие, вернувшиеся с полей войны с Наполеоном, были подавлены царизмом на Сенатской площади. На новое, «нынешнее племя», пришедшее вслед за декабристами, он не мог рассчитывать. О чём с болью в сердце поведал читателям в «Думе».

Искренне любящий Россию с её славным прошлым, Лермонтов не находил идеала в своих современниках и обращался к прошедшим векам – «Последний сын воль-

ности», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», к романтическому свободолюбивому миру Мцыри, к отрицающему устои человеческого и вселенского общества Демону, к героям-соотечественникам, отстаивавшим свободу державы «Бородино». Волновавшие Лермонтова думы не могли выразить романтически приподнятый герой «Поля Бородина», хотя и патриотически настроенный, но далёкий от понимания народных чаяний. В стихотворении напрашивался повествователь нового типа.

Особое значение в истории изменения замысла имеет посещение Лермонтовым родных мест зимой 1836 года. Возможно даже, события этой зимы и явились конкретным толчком к написанию стихотворения «Бородино». Живя более двух месяцев в Тарханах, он не мог не навещать дом своей «мамушки» – кормилицы Лукерьи Алексеевны Шубениной. В это время в её доме жил Дмитрий Фёдоров, сданный Е.А. Арсеневой в рекруты в 1810 году. Если в царской армии служили в то время 25 лет, то он должен был возвратиться в родное село где-то в 1835 или начале 1836 года. Детям Лукерьи Алексеевны вернувшийся солдат приходился дядей, и дети называли его дядей. Для Лермонтова, молодого корнета лейб-гвардии Гусарского полка, знакомство с участником кровопролитных боёв с французами было настоящей находкой. Невозможно себе представить, чтобы при их встрече (или даже встречах) не шёл разговор о легендарном Бородинском сражении, решившим судьбу России.

С.А. Андреев-Кривич, изучая обстоятельства жизни писателя в эту зиму в имении своей бабушки, имел все основания вообразить такую картину: «...Вот сидит у такого небольшого стола напротив русской печи, может быть, в своей «лейб-гвардии» в военной одежде – Лермонтов, налёг грудью на стол, подбородок устави́л в раскрытые ладони, внимательно слушает. А бывший солдат Дмитрий Фёдоров всё рассказывает и рассказывает. По лицу Лермонтова бродит усмешка. «Значит, не даром, Москва французу отдана?» – спрашивает он рассказчика. Тот поглядывает на молодого воина, у которого огнём загорелись тёмные глаза, и смеётся...» [6].

Повторяю, это всего-навсего воображение исследователя, близкое к истине.

«Тарханская пора» помогла поэту чётче определиться в идейном замысле. Появляется новая композиционная форма – форма диалога бывшего солдата с только что начинающим военную службу. Если в стихотворении «Поле Бородина» социальная принадлежность лирического повествования осталась расплывчатой, то в последующем варианте она обретает черты народного характера. «Что же до «Бородина», – отмечает В.Г. Белинский, – это стихотворение отличается простотою, безыскусственностью: в каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо-простодушным, в то же время благороден, силён и полон поэзии» [7]. Простодушные, на которое указывает В.Г. Белинский, идёт от солдата, а благородство – от самого Лермонтова.

Героические подвиги совершают не исключительные личности, а простые люди Дмитриии Фёдоровы – на такую мысль наталкивает образ солдата-повествователя, воплотившего в себе самые характерные черты русского человека. По сути дела, его мировидение и является лермонтовским идеалом.

Он смел, решителен, выступает как патриот («Уж мы пойдём ломить стеною, Уж постоим мы головою За родину свою»); не лишён иронической сметливости («Постой-ка, брат мусью! Что тут хитрить, Пожалуй, к бою...»); он рассудителен («Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя...») и выражает народный взгляд на войну:

*Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы! (1, 24).*

Весь набор существенных черт характера, присущих русскому менталитету, о которых писали философы, начиная со славянофилов и Ильина и кончая братьями Гагаевыми, налицо в этом собирательном образе. Лермонтов своим «Бородино» сделал открытие, поставив главным героем произведения народ, в то время как раньше пофамильно назывались только офицеры-дворяне. «Ничего нагляднее, – писал исследователь творчества Лермонтова П.А. Фролов, – нельзя придумать, как посмотреть Военную галерею в бывшем Зимнем Дворце, чтобы убедиться, до какой степени умаляли заслуги солдатской массы в войне

1812 года и как незаслуженно превозносили деяния офицерско-дворянской верхушки. В ней 332 портрета, но ни на одном из них не представлен рядовой солдат. Эта несправедливость, видимо, была понята Лермонтовым. И со всей силой звучного стиха он смело, вопреки официальной точке зрения, объявил истинным героем Бородинского человека из народа» [8]. Все правильно. Трудно согласиться только с упреком в адрес высших чинов: «незаслуженно превозносили деяния офицерско-дворянской верхушки». Лермонтов, как свидетельствует текст стихотворения, не делил героев легендарного сражения на «высших и низших» – для него все были герои.

В «Бородино» заговорил сам русский народ. Об этом писали многие исследователи творчества Лермонтова. Взгляд такой справедливый. И все-таки нельзя сказанное понимать односторонне, не учитывая речь автора – офицера русской армии. Интересный вывод по дискуссионной проблеме сделал Ираклий Андроников: «Искусство Лермонтова так велико, – говорит он, – что мы даже не замечаем, что сквозь речь солдата то и дело слышится голос поэта. «Леса синие верхушки»... Солдат не сказал бы так: это Лермонтов. Но строчки: «французы тут как тут» – это солдат. «Звучал булат», «носились знамена, как тени» – это опять речь поэта. Но без этой возвышенной лексики Лермонтов не мог бы передать вполне величие этого дня. А «изведал враг» – опять «дядя». Обе языковые струи сплавлены так органически, что мы и не замечаем, что «дядя» оставаясь всё время самим собой, говорит, как поэт» [9].

Меняется не только рассказчик, но и эпизодические герои. Вместо возвышенного «вождя» («И вождь сказал перед полками») появляется земной человек, мужественный «полковник-хват», близкий и даже любимый солдатами. Отнюдь не каждого солдата называли отцом. Может быть, по причине близости к народу, он, несмотря на свою непоказную храбрость, так и не дослужился до генеральских званий. Этому воину даётся довольно-таки обстоятельная характеристика: он храбр, энергичен, прост в обращениях с подчинёнными, предан Отечеству, умеет сказать нужное зажигательное слово солдатам и отчаянно повести их в рукопашную схватку. Передана здесь и боль солдат о погибшем командире. Всё это

богатое содержание уместается всего в восьми стихотворных строчках:

*Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!» (1, 25-26).*

Безымянный воин нарисован так объёмно и эмоционально, что до иллюзии живо и конкретно представляется читателям, которые вместе с защитниками Отечества скорбят о его преждевременной гибели.

Перерабатывая стихотворение «Поле Бородина», Лермонтов не только конкретизировал, но и обобщал идейно-художественную структуру произведения. Смысл войны как справедливой и освободительной был понятен всем слоям тогдашнего общества, вставшим на защиту родины. Поэтому она и стала народной в самом широком и точном смысле этого слова. Главным героем в стихотворении «Бородино» выступает не отдельная личность («дядя», «полковник»), а весь выдавший всякие виды народ; «старички», уставшие отступать и ждущие настоящего, бесхитростного боя, героико-офицеры, организующие оборону и атаки на редутах...

Такой характерный штрих: рассказчик нигде не выпячивает себя, он рассказывает о товарищах, о командирах, об атаках французов – и меньше всего – о себе. В 98 стихах он лишь один раз применил личностную форму: «Забил снаряд я в пушку туго И думал: угощу я друга», а местоимение «мы» употреблено в самых ключевых строфах, передающих отдельные временные эпизоды боя:

*Мы долго молча отступали... (1, 24);
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою... (1, 25);
Два дня мы были в перестрелке... (1, 25);
Мы ждали третий день... (1, 25);
И умереть мы обещали... (1, 25);
Тогда считать мы стали раны... (1, 26).*

Нигде нет выражения с местоимением «мой», зато семь раз используются конструкции со словом «наш». Поэтому, таким образом, удаётся изобразить не просто конкретного живого человека, но и показать

его как социальный тип, воплотивший в себе лучшие черты национального характера. При этом авторские взгляды на войну, мирную жизнь, победу, мужество, поражения, отступления слиты здесь воедино с думами рядового солдата. Словом, «мысль «Бородин» и есть мысль народная, выражающая одну из черт русского космопсихо-логоса. Здесь автор с присущим ему эмоциональным порывом выражает общенациональный взгляд на исторический процесс, «глядит на него глазами своей национальной стихии» (Н.В. Гоголь). «Поэма «Бородино», по справедливому замечанию В.А. Архипова, – являла собой новый тип художественно-патриотического мышления» [10], по которому потом будет развиваться вся передовая русская литература XIX и XX века.

Война с захватчиками, показавшая всему миру мужество русских людей, углубила общественные противоречия в стране в послевоенный период, обострив тем самым и отношение поэта ко всему строю.

Лермонтовское отношение к событиям своей эпохи имеет место и в стихотворении «Бородино». Обратим внимание на то, что в первой строфе молодой воин задаёт лишь один вопрос:

*Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана? (1, 24).*

Остальные же четыре стиха произносятся в утвердительной интонации (на письме они сопровождаются восклицательными знаками). Юноша хотел узнать нечто большее, чем только одно воспоминание о воинской доблести русских войск. И он не ошибся. Лермонтовский идейный замысел заключался в сопоставлении двух поколений. Раньше всех на эту тенденцию в творчестве поэта обратил внимание В.Г. Белинский, отметив, что основная идея стихотворения «Бородино» выражена в словах:

*– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы! (1, 24).*

«Это мысль – жалоба на настоящее поколение, – пишет критик, – дремлющее в бездействии. Зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» [11]. В дальнейшем мы отметим, как эта

тоска по жизни внушила нашему поэту не одно стихотворение, полное энергии и благородного негодования.

Нет, совсем не напрасно повторяется в конце стихотворения вторая ключевая строфа, правда, с незначительными изменениями. В первом случае она произносится как гипотеза, которую ещё надо доказать. И рассказчик, в ходе повествования доказывая доблесть племени, воевавшего в 1812 году, приходит к окончательному обобщающему выводу:

*Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы! (1, 27).*

В финальной строфе полностью заменена только вторая строчка: «Не то, что нынешнее племя». Казалось бы, замена незначительная, но именно она заключает в себе основной смысл, выявляющий положительный идеал поэта. Нагляднее это представится, если поставим рядом эти ключевые строчки:

*Не то, что нынешнее племя... (1, 24);
Могучее, лихое племя... (1, 27).*

Противопоставление, как видим, налицо. Выходит, что племя тридцатых годов и не могучее, и не лихое – словом, «Богатыри» – не вы». Только... что значит «были»? Они живы! Каждое новое поколение Государства Российского доказывает жизненность, скрытый подзадоривающий утвердительный смысл лермонтовского «Богатыри не вы». Дети былинных и реальных «богатырей» своими делами во славу России красноречиво доказывают преемственность героических идеалов. В слова «Родина», «Россия», «Умрёмте под Москвой...» вкладывается особый смысл. «И когда мы произносим это простое и в то же время необъятное слово «Россия», – пишет И.А. Ильин, – и чувствуем, что мы назвали что-то главное в нашей жизни и в нашей личной судьбе, то ли твёрдо знаем, что мы разумеем не просто природу, или территорию, или быт, или хозяйство, или государство, но русский дух, выросший во всём этом, созданный этим, и создавший всё это в муках, в долготерпении, в кровавой борьбе и в

непрестанном молитвенном напряжении» [12].

Загадочно звучат и дважды (опять дважды) повторенные строчки: «Плохая им досталась доля: Немногие вернулись с поля...». Почему артиллерист, проявивший вместе со всеми героизм, отделяет себя от «могучего», «лихого» племени? Из-за скромности? Может быть. Всё же, смеем думать, настоящая причина кроется в другом и объясняется присутствием на страницах стихотворения самого автора, выступающего вместе с солдатом в качестве рассказчика. Эта строчка – не технический брак. В таком отделении рядового солдата от тех, которым досталась плохая доля, прорывается огорчительный голос самого поэта, «мысль-жалоба», говоря словами В.Г. Белинского. Вернувшиеся «немногие» прозрачно напоминают о последующих событиях, происшедших на Сенатской площади, в которых участвовали «богатыри» – бывшие герои Отечественной войны. Вспомним в связи с этим награждённых за боевые заслуги в бородинской битве П.И. Пестеля – золотым оружием с надписью «За храбрость»; М.А. Фонвизина – орденом Анны II степени; М.С. Лунина – золотым оружием с надписью «За храбрость»; героически сражался с неприятелем в сапёрной роте С.И. Муравьев-Апостол; в партизанских отрядах истреблял захватчиков С.Г. Волконский и М.Ф. Орлов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сборник 1. – М. 1941. – С. 186.
2. Щерблюкин И.П. О героико-патриотических мотивах в лирике М.Ю. Лермонтова. Временник любителей старины. Научный и научно-популярный сборник. Вып. 10. – Пенза. 1994. – С. 4.
3. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – М., 1964. – Т. 1. – С. 317. В дальнейшем ссылки даются на этот текст с указанием тома и страницы в тексте.
4. Бродский Н.Л. М.Ю. Лермонтов. Биография. Т. 1. – М., 1945. – С. 224; Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. – М.-Л. 1964; Пятницкая П.Б. Изображение народа и войны в стихотворении «Бородино» (1837), «Валерик» (1840) М.Ю. Лермонтова // Учёные записки Горьковского педагогического университета. – 1958. Т. 26. – С. 205-219; Турбин В.Н. О литературно-полемическом ас-

- пекте стихотворения Лермонтова «Бородино» // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – Л., 1979. – С. 392-403; Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. М., 1973; Щерблюкин И.П. М.Ю. Лермонтов. Очерк жизни и литературного творчества. – М., 2000. – С. 106-110.
5. Вишневецкий К.Д. Стихотворения Лермонтова // Лермонтов. Сборник, посвящённый 150-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Пенза, 1965. – С. 65.
 6. Андреев-Кривич С.А. Тарханская пора. – М., 1968. – С. 92.
 7. Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в русской критике. – М., 1951. – С. 36.
 8. Фролова П.А. Лермонтовские Тарханы. – Саратов. 1987. – С. 287.
 9. Андроников И.Л. Дебют // Литературная газета. – 1962. – 18 октября.
 10. Архипов В.А. Лермонтов. Поэзия познания и действия. – М., 1965. – С. 410.
 11. Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в русской критике. – М., 1951. – С. 135.
 12. Ильин И.А. Сочинения. – Т. VI. – М., 2000. – Кн. 2. – С. 183.

G. Gorlanov

THE CONCEPT OF FOLK THOUGHT IN THE POEM “BORODINO” WRITTEN BY M. LERMONTOV

Abstract: In this article the problem of heroism as the character's element of the Russian national archetype is discussed. The thought of heroism in “Borodino” stands out in the fight with conciliarism and Russian idea. The author points out the typological relations between Lermontov's heroes in “Borodino” and those - in “War and Piece” written by L. Tolstoy.

Key words: heroism, Russian character, conciliarism, Russian idea.